

An abstract painting of a violin, rendered in a highly expressive, almost cubist style. The violin's body is a vibrant orange-red, while the f-hole and surrounding areas are painted in bold, swirling strokes of blue, green, and yellow. The neck and strings are depicted with dark, angular lines. The background is a complex interplay of these colors, creating a sense of movement and depth. The overall effect is one of intense emotional energy and artistic abstraction.

18+

Андрей Владимирович Кудин

*Путешествие Джо
и его друзей*

Андрей Кудин

Путешествие Джо и его друзей

«Издательские решения»

Кудин А. В.

Путешествие Джо и его друзей / А. В. Кудин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-604739-6

В древнем городе соберутся певцы и музыканты со всей страны, чтобы принять участие в музыкальном состязании. Лучшим из них будут преподнесены дары из сокровищницы. Пятеро не совсем обычных его участников отправятся в харчевню, чтобы провести ночь за одним столом. Там они услышат странную и волнующую историю Галаметы, страны, однажды развязавшей войну с соседней Озерией и проклятой за это людьми. Мёртвые болота поглощают её земли, и лишь сила музыки может разрушить проклятие.

ISBN 978-5-00-604739-6

© Кудин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Путешествие Джо и его друзей	6
1. Некогда в стране Баланхории...	6
2. Путники на дорогах в Тихомодал	8
3. Магия звука	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Путешествие Джо и его друзей

Андрей Владимирович Кудин

© Андрей Владимирович Кудин, 2026

ISBN 978-5-0060-4739-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путешествие Джо и его друзей

1. Некогда в стране Баланхории...

Усаживайтесь поудобнее... хорошо было бы развести костёр... Наша история начинается.

Некогда в стране Баланхории, в селении Тажбил жил старик по имени Джо. Человеком он был небогатым и даже незажиточным, несмотря на знание ремёсел и трудолюбие. И не было у него никого, кроме жёнушки, а как померла она, осталась только память о ней, о ней да о единственном сыночке, который не прожил на свете и трёх годков.

Не только жители Тажбила, но и, почитай, все жители соседних селений, не исключая детей малых, хорошо знали этого Джо. Не то чтобы дружелюбием он отличался и общительностью, - хоть и имел натуру открытую, говорить не любил (а может, и не умел), да и дружбы большой ни с кем не поддерживал. Тогда, отчего же, спросите Вы, все знали его? Ясно отчего — был он музыкантом, каких поискать! В целом, надо сказать, народ в тех селениях был весёлый; музыканты, певцы да танцоры в нём не переводились, так что, казалось бы, должны были к ним попривыкнуть. Однако Джо пользовался особой известностью. Говаривали, что он совсем не похож на других, что от музыки его в пляс пускались даже дикие звери, что уж говорить о людях...

Но как померла его жена, он изменился, как-то сразу постарел. Стал более замкнутым и грустным, веселья в его музыке не то что поубавилось, оно из неё вовсе исчезло. Всё больше играл он мелодии тоскливые и странные, заслушивался которыми уже далеко не всякий сельчанин. Однако жила по соседству с Джо одинокая молодая вдова, и тоскливая его музыка была для неё утешением. Но ничего не знал об этом старый музыкант, не верил он в то, что такая его музыка нужна кому-то, — и оттого, наверно, грусть-печаль почти никогда не покидала его. Словом, со смертью дорогой жёнушки превратился Джо в одинокого и невесёлого старика, для которого мир за пределами его двора начисто утратил значение.

Но вот как-то раз прискакал в Тажбил уполномоченный гонец с вестью о том, что в Тихомодале, стольном граде, соберутся лучшие музыканты и певцы со всей страны для того, чтобы принять участие в состязании, победителю или победителям которого будут преподнесены чудесные дары из сокровищницы Тихомодала.

О сокровищнице стольного града слагались легенды; за её содержимым охотились обладающие властью особы из других стран, в том числе самолично принцы и короли.

Многие тажбилицы, и не только те, кто имел способности для участия в невероятном состязании, но и простые люди, желая поддержать своих мастеров, получить незабываемые впечатления, откликнулись на благую весть гонца. И уже к полудню следующего дня посёлок едва ль не на треть опустел.

И всё ж остался в нём один музыкант. Это был старый Джо. Чувствовал ли он себя на тот момент немощным для такого мероприятия или же просто испытывал безразличие к нему? Одно ясно: односельчане Джо были опечалены тем, что не пожелал он отправиться вместе с ними.

Но какова была бы их радость, узнай они на следующее утро своего путешествия, что в это самое время Джо запрягает в телегу лошадь свою верную — не иначе как с намерением отправиться в путь! Насколько веселее прошло бы их долгое, утомительное путешествие, если бы кто сказал им, что и старый музыкант едет в Тихомодал!

А произошло вот что. В ту ночь под утро приснился Джо сон. Видел он в нём свою жёнушку да сыночка своего малого. Стояли они перед ним, держась за руки. Лица у них были

светлые, а глаза ясные, чуть печальные. И говорила ему милая: «Не печалься о нас много. Живём мы счастливо. Музыка твоя прекрасна и глубока, но в ней уже не бывает веселья и радости. Оттого-то и нам тоскливо становится. Лучше поезжай-ка ты в стольный град». А после увидел Джо: сундук открытый стоит — не иначе из сокровищницы Тихомодала, — что в нём, неизвестно, только свет таинственный от него исходит, — а народ вокруг шумит, радуется. И как только проснулся, так и стал думать, что взять ему с собой в дорогу.

Наблюдала за ним из окошка живущая по соседству одинокая вдова. По лицу её текли слёзы, будто бы знала она про его сон. И, конечно ж, знала о том, куда собирается Джо. Так сопереживала эта одинокая женщина. И после того, как старый музыкант тронул лошадку в путь, долго смотрела ему вслед и думала о нём.

2. Путники на дорогах в Тихомодал

А меж тем на дорогах, ведущих к достославному некогда поселению магов, а ныне стольному граду Тихомодалу, собиралось всё больше путников. Одни ехали издалека, - с ветром да в чинных каретах, в основном, с публикой особенно не общаясь, другие — из соседних сел — не спеша, на простых повозках, то и дело, развлекая по дороге честной народ.

Но не только прославленные певцы и музыканты... были и личности, известные вовсе не музыкальным талантом. Немногие из тех, кто держал путь в Тихомодал, что-то знали об этих одиноких путешественниках, - но даже зная самую малость, можно было много порассказать о них другим.

Так распространились слухи о Сиццоне из града Вальховы. Жители того града называли его кудесником. Чудеса-де подлинные творить может и, вдобавок, в борьбе непобедим. Иные так даже говаривали, будто бы летать умеет. Однако ж никто не ожидал увидеть его среди музыкантов, ибо никогда он искусству сему не обучался, да и внешне-то мало на музыканта походил.

Другой живой легендой прослыл Крэгволот — тоже из Вальховы. Этот славился ростом и силой нечеловеческой. Жилистый, могучий великан: в прошлом — об этом знали почитай все, — коварен был и жесток, вместе с отцом своим Танакамом да шайкой головорезов его творил злодеяния всевозможные. Но, пробыв несколько лет в заточении, изменился, - изменился до того, что отец родной его не узнал. Рассказывали, будто бы подействовал так на него старик, который с ним в неволе находился. Старик тот был великим заморским владыкой. Такого Крэгволоту порассказал, что тому жить расхотелось, в смысле так, как раньше он жил. Зародил старик в нём желание повидать заморские страны, на тамошнее богатство поохотиться, да дочь его, владыки в жёны взять. Этим-де и объяснялась его отрешённость. Но правда ли то? И был ли на самом деле старый острожник заморским владыкой, или же, как утверждали другие, простым и по воле судьбы никому неведомым музыкантом?

Вернувшись из острога, Крэгволот первым делом раздобыл себе музыкальный инструмент, а уж потом только отправился к отцу. Встреча их была весьма драматичной, в чём и нам можно не сомневаться. Увидев сына, проницательный Танакам сразу же определил, что с тем что-то не ладно, а после того, как выслушал речь его, не признал в нём родню. Закончилось же всё тем, что взбесившийся Танакам натравил на Крэгволота дюжину своих головорезов. Был уверен он, что они и места мокрого от него не оставят, - сиречь и вправду решил, что тот — самозванец — не мог его сын так измениться. Вышло, однако ж, наоборот. Разбойники, конечно, изрядно потрепали Крэгволота, но тем только ярость в нём вызвали. А уж в ярости-то этот великан был совершенно неукротим. Так что Танакам скоро понял, что ошибся. Понял он и то, что родной сын отныне враг ему заклятый.

В отличие от мужчин, женщины, которые окажутся на арене Колизея, либо входили в составы ансамблей, либо представляли высший свет. Одиноких певиц и музыкантш из простого народа трудно было сыскать. Однако ж и в их числе нашлась легенда.

Звали её Аманда. Совсем ещё молода была, но почти все, кто жил с нею в одном селении, утверждали, что она ведьма. Дом Аманды находился вдалеке от других домов. Одинокий и таинственный на вид, стоял он у самого тёмного леса, в котором-де обитала нечистая сила. Иные боялись к этому лесу даже приблизиться, а она вместе с матерью преспокойно себе проживала. Хотя упор делался не на то. Мать Аманды слыла знахаркой, притом не только в пределах села, - хоть и уличалась она в колдовстве, всё ж помогла многим с недугами справиться. Люди в селении были не такие уж и тёмные, и знали, о чём говорили. А говорили о том, что в каждое полнолуние в дочку знахарки бес вселяется. Видели её то летящей по небу, то по селению или по лесу в одиночестве гуляющей. Идёт, мол, навстречу тебе и светится как призрак, да с силой

нечистой разговор ведёт. Красоты бог Аманде не дал, - это-де и подтолкнуло её ведьмой стать. Невозможность добиться внимания и любви юношей породила в ней зависть лютую, сделало сердце её уязвимым для тёмных сил. Сама же мать про дочь свою ни разу ни с кем словом не обмолвилась. Однако жителям селения не трудно догадаться было: целительница ведёт борьбу с дьяволом, завладевшим Амандой. В положительный исход этой борьбы, ясное дело, мало кто верил. Чарующее пение юной девы, слышавшееся иногда по ночам, доказывало то, что ведьма она могущественная — властью над сердцами обладает. Но потому возникло в народе и другое мнение: не бес распоряжается сердцем Аманды по своему усмотрению, а она сама от рождения дьяволица.

Так что, не только обычных певцов и музыкантов можно было увидеть на дорогах в Тихомодал (чего, впрочем, и следовало ожидать от состязания, на кону которого сокровища стоят), но всем ещё интересней от того становилось. И чем больше собиралось путников, тем труднее было представить себе, что будет происходить на арене Колизея. Поди разберись, у кого шансы на победу выше. И одни говорили: состязания как такового не будет, потому как будет великое празднество музыки и песен — о чём-де и уполномоченный гонец сообщил, - а кто-то, наоборот, уверен был в том, что Колизей не станет своим традициям изменять, обязательно будут в нём и победители, и проигравшие, хотя отнюдь не победа решит, которым из них удастся завладеть бесценными сокровищами.

Всё больше и больше народу стекалось к золатым вратам, и те, однажды перед ним открывшись, уже не закрывались. Любой другой град, наверное, не выдержал бы такого потока, но великий Тихомодал едва его ощутил.

Перед вратами не смолкали трубы и барабанный бой. Жители Столицы, её правители и, конечно же, сами царь с царицею выходили, чтобы поприветствовать новых гостей. Тут же проводилась ярмарка, и тут же была возведена сцена, на которую те, кто каким-либо умением выделялся, развлекали честной народ. А над сценой и праздничным столпотворением вокруг неё выступали канатоходцы.

Меж тем, из-за скопления людей, у входных врат в удалённой части Тихомодала царила необыкновенная тишина. Многие его улицы пустовали. Величественные строения, испещрённые таинственными гравюрами стены Колизея внушали гостям, особенно тем, коим случилось оказаться наедине с великим градом, чувства далёкие от веселья и праздника.

3. Магия звука

Колизей был так огромен, что в нём легко могли поместиться жители двух таких городов, как стольный град Тихомодал. Потому неудивительно, что, невзирая на зрелищность устраиваемых в нём спортивных состязаний и битв гладиаторов, ни разу за время своего существования он не заполнялся целиком. Однако с недавним открытием «магии звука» у града появились новые возможности. Благодаря ей, помимо арены зрелищ, Колизей стал представлять собой и арену искусств. И вот сегодня в нём состоится первый в его истории музыкальный фестиваль!

Народу нахлынуло столько, что главные ворота Колизея пришлось закрыть прежде, чем поток успел иссякнуть. После их отворяли и закрывали несколько раз, чтобы пропустить ещё людей; но желающих попасть внутрь всё равно было много — тогда, как свободных мест уже не осталось. Впрочем, задолго до того, как охрана выстроила на входе живую изгородь, у отдельных лиц сработала смекалка. Всё, что требовалось для выхода из положения, — это раздобыть в городе несколько лестниц. На доброе дело тотчас нашлись энтузиасты. Принесённые лестницы приставляли к опоясывающей Колизей стене. На ней, хоть это было и небезопасно, поместились все, кому не хватило места внутри.

Под «магией звука» разумелась как сама магия, так и немалых размеров сооружение, имеющее округлую форму и состоящее из множества голосников, целью изобретения которого являлось усиление звука. Музыканты исполняли свои произведения, находясь внутри него.

Итак, состязание — по мнению одних, — празднество — по мнению других — началось! Началось незамедлительно, без ожидаемого предисловия, ибо судьи и организаторы решили не выделяться из общей массы и позволить музыке безраздельно властвовать над настоящими временем и местом. Известно, все они имели разные музыкальные предпочтения: так нужно было для того, чтобы каждое выступление оценить по достоинству и справедливости. А понять, насколько высока их общая оценка, можно было по количеству зажжённых ими факелов.

Первым — по своему желанию (и в дальнейшем тоже музыканты выходили кто как хотел) — на сцену поднялся некий провинциальный ансамбль. Его участники выглядели более чем скромно, и оттого некоторым особам из высшего общества лишний раз подумалось, что идея устроить такого рода мероприятие ошибочна, ибо ведёт ни к чему иному, как к созданию возмутительной смеси из подлинного искусства с бездарностью и дилетантством.

Однако дерзнувшие выступить первыми исполнили две песни... Простые по содержанию, они обладали непростой, — довольно богатой и своеобразной звуковой палитрой. А инструментальная концовка второй песни прошла под бурные рукоплескания слушателей. Таким образом, выступление сельского ансамбля воистину стало отправной точкой фестиваля и, к восторгу многих, зажгло десятки судейских факелов.

Воодушевлённые таким началом, на сцену поднялись следующие исполнители. Три молодца, относящиеся к числу бродячих музыкантов. Никто не сопровождал их выход возгласами поддержки. Однако они этого и не ждали. Быстро и одновременно поклонились и как-то сразу принялись играть. Выдав непродолжительную, и вместе с тем виртуозную прелюдию, музыканты вновь сделали поклон. Тотчас перешли к следующему произведению. После небольшой увертюры трио сочинило затишье, — при этом все одновременно замерли. А потом так же неожиданно прервало его, и на сей раз вместе с музыкой зазвучал вокал. Пели все трое. Странное их пение переносило не то в мир сказок, не то сладких, подчас таинственных грёз. Невозможно было остаться в стороне и не получить никакого удовольствия от такого выступления, так что неудивительно, что после его окончания в Колизее поднялся невероятный шум. Правда, свои эмоции слушатели адресовали не только тем, кто сейчас выступил, без сомнения, явив подлинное искусство, но и тем, за кого болели и от кого ждали не меньших успехов в состязании.

Довольные своим выступлением музыканты с благодарностью поклонились слушателям ещё раз, после чего бегом покинули сцену.

За ними последовал тоже ансамбль, и опять-таки из сельской местности. Надо сказать, сельчане в целом проще относились к состязанию и потому с лёгкостью поднимались на сцену, где ничто не мешало им выступить так, как они хотели. И вскоре их простые, задорные песни и танцы стали казаться именно тем, ради чего все собрались.

Но вот, наконец, на сцене появился кто-то из знаменитостей. И, похоже, этот кто-то намерился переломить ход событий. Впрочем, такового намерения, у него, может, и не было, - просто сам момент времени, когда на сцену поднимали громоздкий клавишный инструмент, и народ лицезрел статного маэстро, весьма отличавшегося от предыдущих исполнителей внешним видом, предвещал некоего рода перемены.

Однако инструмент уже стоял на своём месте, а тишина всё продолжалась, - некоторые слушатели, не понимая, чем она обоснована, стали посвистывать и делать музыканту нелестные замечания. Но тот чувствовал себя в такой ситуации как рыба в воде: лучился азартом и был так в себе уверен, что насмешливые реплики его только приободряли. Когда, наконец, он насытился последними, то сей миг перенёсся за свой инструмент и сходу взялся за дело.

Игра его поражала живостью, невероятной виртуозностью. Из-под неуловимых рук неслись мудрёные пьесы и рапсодии — и не только по отдельности, но и, на удивление, вперемешку. А закончилось триумфальное выступление отрывком из известной, довольно невесёлой сонаты, преподнесённом в неожиданно ярком свете. После такого легко было поверить, что именно сей блистательный маэстро, зажегший над Колизеем вереницу огней, станет победителем состязания. Маэстро, коему не составило труда показать публике разницу между «обычным искусством» и «высоким», а ведь часть её только того и ждала.

Учтиво поклонившись, музыкант сошёл со сцены. Следом её медленно покинул громоздкий — но вместе с тем воистину волшебный — инструмент.

Так возникла новая волна. Раз за разом тихомодальскую чашу наполняла музыка, которая совсем была непохожа на ту, что звучала вначале. Возводя над нею незримые стены дворца, она то убаюкивала светских горожан, доставляя им неведомое большинству людей наслаждение, то побуждала их к любимым играм и приключениям; одаривала романтикой; внушала воинственный настрой, а после сменяла его сентиментальностью. Правда, были и пьесы, которые могли доставить удовольствие и простому слушателю из провинции, мало, что понимающему в светской жизни.

Однако ж, не взирая на всё это, закрадывалось странное ощущение: этим состязание вряд ли закончится, должно произойти что-то ещё. Всё ж таки публика собралась не на дворцовой площади, а, как говорили, в «оживляющем предания» мировом (сиречь, единственном в мире) Колизее, и торжество организовывалось не только государственными особами, но и самими что ни на есть магами — хранителями тихомодальской сокровищницы; да и потом... стоило вспомнить тех, не совсем обычных путников, которых видели по дороге в Тихомодал...

Меж тем первый день фестиваля подошёл к концу. Стоит отметить, некоторые исполнители, решив, что шанса на победу не имеют (судьи не зажгли для них длинную вереницу огней), садились в свои чинные кареты и с ветром покидали стольный град, - им-де и не нужна была победа. Народ помаленьку стал расходиться. Вечер прошёл тихо, и мало где были слышны звуки музыки. Многие уезжали в поля, чтобы развести там костры и провести ночь.

А ближе к полудню в Тихомодале снова забурилась жизнь. Снова мощными потоками стекался народ в Колизей. И снова гигантская чаша наполнялась им, пока не наполнилась до самых краёв. Вполне могло показаться, что на второй день людей стало ещё больше. Много убыло, но не меньше было тех, кому не хватило времени добраться до первого дня.

Вторую половину фестиваля, как и первую, открыли люди из провинции. Шестеро мужичков пожилого возраста: четверо из них играли на немудрящих самодельных инструмен-

тах, двое, одетые в рясы, с колпаками на голове, плясали; и с ними две женщины, которые пели — громко и задорно. Какими бы простаками ни выглядели они в глазах дворцовых ценителей искусства, но им наверняка удалось доставить удовольствие публике, особенно той её части, которой успели наскучить мудрёные пьесы и рапсодии.

Их сменили рыжеволосый мальчишка и сухощавый мужик годов пятидесяти, среднего роста, почти лысый, лицом похожий на жителя восточной страны, но одетый точь-в-точь как здешний сельчанин. Мальчик держал флейту или нечто наподобие того, а мужик гитару. Оба на время замерли, и Колизей как будто тоже замер. Понеслась молва о том, что, дескать, не простой музыкант вышел на сцену, а самый что ни на есть чародей, тот самый Сицзон из града Вальховы. И иные, как было уже, вопрошали с сомнением: «Неужто музицировать умеет и приехал, чтоб только поучаствовать вместе со всеми?»

Но никакого чуда на сцене не произошло. Эти двое просто играли в своё удовольствие. Первое их произведение легко воспринималось, особенно слушателями из провинции. Последнее так даже не сразу на него отреагировали, ибо совсем не ожидали услышать подобное от того, кто слышит чародем. Конечно, это была не самая сильная буря из тех, что случались по ходу состязания, однако было ясно, что и большинству слушателей и судей понравилось такое начало. Второе произведение — оно состояло как бы из двух частей — мало, впрочем, походило на первое. Первая часть была довольно непростой — ритм музыки часто и неожиданно менялся, под конец она и вовсе замедлилась едва ль не до полной остановки, вдобавок ещё и утратила гармонию. Народ завозился, где-нигде зазвучали насмешливые реплики: «Что там у него струны, что ль, полопались?», «А у мальчика-то, никак, муха в корпус залетела». Но так и должно было быть; и во второй части всё изменилось. Слушатели вскорости обрели утраченную гармонию, и мелодия была какая-то даже необычная, как будто бы неземная. Закончили музыканты выступление простой и задорной — но вместе с тем и немного загадочной, как и их предыдущий опус — песней. Их выступление было отмечено десятками зажжённых факелов.

В другой раз народ притих, когда очередным действующим участником состязания стал великан Крэгволот, известный, как было сказано ранее, не как музыкант, а как лютый злодей, не знающий жалости. Одни с удивлением говорили: «И впрямь выступать приехал, - а то думали, охотиться за драгоценностями того, кто победителем станет». Другие отнеслись к его выходу с насмешкою: «А этот, видать, силой соревноваться вышел, ему бои гладиаторов подавай!». Третьи с тревогою: «Сказать что недоброе хочет... музыкантов припугнуть, чтоб знали на случай победы, кому здешние сокровища нужнее», «Не к добру, не к добру это...»

Но все эти разговоры остались далеко позади, как только зазвучали гитара и мелодичный басистый голос великана. Будто бы вознёсшись в далёкие вершины, он пел о ком-то, кто был ещё дальше, говорил о ней с ветром, с горными высями, с духом времени, путешествовал и в прошлое, и в будущее в стенах заброшенного замка... но всё не находил её. И в конце повстречал он одинокого старца, живущего в том замке. Луч света простёрся между ними, и голос смолк. Тонкими гитарными переливами, в коих печаль сливалась с радостью, увенчалось дивное погружённое в себя пение. Далее великан пел о простых радостях жизни, о том, как гуляли юные девицы в саду; вёл рассказ об одиноком старичке, который больше всего на свете любил вино и цветы; а после о говорящих цветах, которые знали столько историй, сколько не знал ни один человек — им очень хотелось поделиться ими с каждым, кто шёл через луг, однако только для того, кто слушал сердце своё, могли донестись их беззвучные голоса.

Когда выступление закончилось, публика принялась аплодировать. Она аплодировала так, словно мощью оваций стремилась разрушить некий сдерживающий её барьер. И ничего более необычного не видели в своей жизни те, чьи лица вместо недавней враждебности сейчас выражали откровенное изумление. Да и как можно было не изумиться?

Вдоль стены Колизея продолжали один за другим вспыхивать факелы. И, наверно, впервые их цепь замкнулась, образовав круг. Реакция публики от этого ещё больше усилилась. Впрочем, что касается того, кто её вызвал, то к этому моменту на сцене его уже не было.

Следующий музыкант — совсем ещё юный паренёк (одетый небогато, худенький, - и на фоне худобы особую роль играла большая копна светлых волос) — являлся, как ни странно, представителем дворцового искусства. Стоит отметить, мало кому из тех, кто не сомневался в победе последнего (независимо от итогов состязания), он был известен. Судя по некоторым слухам: в высоком обществе его — выходца из семьи ремесленника — считали изгоем (того-де он сам добивался, чтобы иметь отличия от других). Так что едва ли возлагали на него большие надежды.

Однако виртуозная, - но оттого не менее чувственная, а порою просто самозабвенная — игра с лёгкостью убеждала в том, что на сцене, хоть и малец с неказистой внешностью, но определённо мастер.

И в очередной раз цепочка огней, окаймляющая верховье гигантской чаши, не имела, или почти не имела, пробелов. Следя за тем, как она выстраивается, зрители Колизея горячо и бурно поздравляли закончившего выступление музыканта. А юноша, принимая их поздравления, выглядел так, будто бы не понимал, что происходит, не верил своему счастью.

В заключительной части фестиваля, в то время, к которому у многих зрителей сложилось мнение, что ничего необычного уже не произойдёт, поскольку и так произошло слишком много, на сцену поднялась высокая, стройная светловолосая девушка, темноволосый, смуглый мальчуган и девочка с длинной русой косой. У каждого был инструмент, а паренёк, которому наверняка не исполнилось и тринадцати, поднимал на сцену аж три инструмента.

Эти трое выглядели даже страннее, чем худощавый малец с большой копной волос, ибо всего больше походили они на призраков, странствующих по миру. Народ в Колизее притих. А когда заиграла музыка и запел голос, стало ещё тише, как будто тихамодаловская чаша вдруг опустела.

Тихий, пространный мотив, льющийся из двух струнных, светлым таинственным призраком облетал стены Колизея, словно бы окутывая их прозрачным сном. Голос, не иначе как сотканный из тонких небесных нитей, уносился в незримую даль, и всё смолкало пред ним. Песня не имела слов, но, как казалось, никакие слова и не могли изъяснить её суть.

Следующее произведение было гораздо ближе простому слушателю. В нём звучал призыв лета, танца, радости. Вся песня от начала и до конца исполнялась хором, под бурное аккомпанирование струнных.

Третье было выполнено в духе второго, оно как бы являлось его продолжением, с той только разницей, что не имело вокальной партии. Музыка была столь живописующей, что могло послышаться в ней журчание родника, трели опьянённых нектаром свободы и лета птиц.

Четвёртое, последнее, мало походило на два предыдущих. В нём голос девушки вновь уносил прочь от земли. И вместе с тем мотив оставался тёплым и близким. Путешествуя по таинственной, населённой одними стихиями стране, странница пела о призраке любви, который неизменно сопутствует ей, но никогда при этом себя не проявляет. Этот призрак убережёт её от разбушевавшихся стихий, не даст ей затеряться в неведомой безлюдной стране; способный проникать в будущее, он укрепит её веру в настоящем. Но сможет ли этот призрак пройти вместе с ней сквозь ледяной холод перемен, или же суждено ему навеки остаться в прошлом? Где проснётся странница после долгого холодного сна: вернётся ли она в тёмный и загадочный мир, где властвует магия, или её будет окружать мир, полный света и любви?

Певицу звали Аманда. Та самая дева, о которой ходил слух, будто она дьяволица и будто бы красота её нынешняя — не данная ей от природы, а краденая. Однако по тому, что творилось в Колизее после её выступления, можно было решить, что ни народ, ни судьи слыхом не слыхали о ней и прямо сейчас готовы присудить ей победу.

А меж тем осталось только двое музыкантов. Один из них всем хорошо был виден, ибо — по причине того, что выступившие усаживались за теми, кто выступил перед ними, — он сидел обособленно и ближе всех к сцене. Второй же — по причине своего опоздания — только что и почти чудесным образом (ему не только открыли подпёртые толпой ворота, но и помогли пройти вперёд) появился внутри Колизея. Всеобщий неугасаемый восторг и интерес, с которым публика ждала выхода на сцену того, кто всего минуту назад был последним, перерос вдруг в ликование, когда выяснилось, что он не последний. И, конечно же, больше всех ликovali те, кто знал этого неторопливого и вечно опаздывающего музыканта, старого крестьянина по имени Джо.

Но, судя по всему, не тороплив был и молодец, собравшийся было уже подняться на сцену. Он вдруг остановился и продолжил действия лишь после того, как старик приблизился и в ответ на его предложение выступить первым, сделал уступчивый жест.

Музыкант был статен и красив. У него были длинные тёмные волосы, которые прижи-мались к затылку и плечам налобной повязкой. Словом, внешность его (не иначе как в сово-купности с благородством и дружелюбием) могла и без музыки порадовать зрителя. Однако... последний и не представлял, что его ждёт.

Понадобилось несколько человек, чтобы поднять на сцену с десятков безразмерных меш-ков, в которых находилось то, на чём молодец собирался играть. В мешках, на удивление мно-гих, были барабаны и подставки для них. Правда, в восторг пришли уже далеко не все зрители, - ибо возможно ли исполнить какую-либо музыку на одних барабанах?.. Хотя стоит при этом отметить, до злых реплик дело на сей раз не дошло. И начало выступления предварило полное затишье, готовое к тому, чтобы смениться чарующей магией звука.

Раскаты глухих ударных мягко, мелодично и, в то же время, властно вплыли в простран-ство тихомодальской чаши и распространились в нём. Особенность их магии заключалась в том, что она оживляла предания, была способна пробудить древний дух Колизея, запечатлён-ный в его таинственных настенных гравюрах, внушить слушателю чувство того, что он нахо-дится в ином времени и месте. Удивительно, как музыканту, играющему на «самом немус-зыкальном» инструменте, так легко это удавалось! Монотонные раскаты сменялись звонким каскадом, который чем выразительнее становился, тем больше возвращал слушателя в насто-ящее. И на протяжении всего произведения они чередовались. Вместе с тем ритм постепенно нарастал, и их чередование ускорялось. Казалось, приближается апогей. Но это не было движе-нием к завершению... Скорость стала невероятной, что, однако, выражало не скоротечность, а постоянство, не мимолётное, хоть и исполненное силы, торжество, а безмерность некоего действия. И коль то была схватка прошлого с настоящим, она никак не заканчивалась победой одного над другим.

Но вот ритм внезапно изменился, и вновь музыка напомнила раскаты грома, только на сей раз звучащие вдалеке. Вызванное к жизни прошлое возвращалось вспять. И долгие нераз-борчивые дробы в конце — точно ещё остающееся от него, но тоже уже исчезающее эхо...

Молодой человек вышел из-за напоминающей свалку горы барабанов, которая до сего момента делала его невидимым, отклонялся в каждую сторону, оглянулся на то, что только что служило подспорьем его ощущениям, - как бы гадая, насколько всё происшедшее было реальным, - после сего взглянул на небо, чему-то улыбнулся и сделал ещё один, на сей раз глубокий поклон.

Барабанщик был представлен Анисионом из Вальховы, града, уже неоднократно упоми-навшегося во время фестиваля и приведшего своими именами в недоумение многих тогдаш-них знатоков искусства.

Сойдя со сцены, музыкант не присоединился к остальным выступившим, а сел на преж-нее место, подле старика.

Волнения не стихали, даже наоборот, ибо произошло намного больше, чем ожидали от фестиваля; и то был ещё не конец!

Последний музыкант, впрочем, явно не спешил выступить. Даже когда шум заметно поутих, он продолжал сидеть. Видя это, публика нашла в себе возможность затихнуть вовсе. Но, как оказалось, старик Джо так заслушался, что просто забыл, для чего проделал долгий путь. И если бы Анисион не напомнил ему об этом, он бы, вероятно, ещё долго не сдвинулся с места. Но Анисион не только напомнил, но и помог старику определиться с тем, что ему нужно делать.

- Старею, сынок... вот уж до чего забывчивым порою бываю, - сказал Джо заботливому молодцу и душевно с поклоном поблагодарил его.

Однако, стоя посреди сцены, старик выглядел растерянным. Тогда, чтобы помочь ему обрести почву под ногами, музыканты дружно встали и начали всячески его поддерживать. И как-то неожиданно, когда к поддержке начала потихоньку приобщаться и публика, раздалась первые ноты музыки.

Магические вибрации гитарных струн вернули тихомодальской чаше недавнюю таинственность. Правда, могло показаться, что Джо по-прежнему находится в некоем забытии, забыл все свои произведения... что как прежде слышит он звуки барабанов, и гитара его вторит им. Что ж, велика вероятность, что именно так и было.

Ну, а дальше произошло вот что. Вернулся на сцену предыдущий музыкант, - надев на лоб повязку, перенёсся он вновь за свои барабаны, - и тем самым точно подал знак другим... Встал и двинулся к сцене Сиццон. Публика при виде его явно взбудоражилась... Оказавшись подле Джо, Сиццон сделал ей жест, чтобы она активнее поддержала старого музыканта. Тотчас по Колизею пошла волна, и на пике этой волны гитара Сицциона, имевшая несколько иное звучание, приобщилась к гитаре старика, словно бы завела с ней разговор. Оба музыканта явно импровизировали, но получалось это так, будто играли некое известное им произведение. Барабаны пока молчали, ждали подходящего момента. И момент этот настал, когда басистая гитара вышедшего на сцену Крэгволота задала музыке ритм. Публика ликовала, многие не удержали на местах — ринулись к сцене, что было тем более удивительно для музыки столь необычной, большинству слушателей наверняка прежде неведомой.

Никто не понимал, как музыкантам удавалось так долго и так слаженно импровизировать. Заговорили о том, что трое вальховцев сговорились, и на удачу им старый Джо позволил их хитрому плану осуществиться, замкнуться цепочке огней ещё раз вокруг них. Но многие ли могли в такое поверить? Большинство всё же сходилось в том, что музыканты действовали по наитию, желая подарить величайшему в истории музыкальному фестивалю незабываемую концовку.

В тот момент, когда музыка почти затихла, на сцену поднялась Аманда. Ее голос звучал вместе с негромкими переливами гитар Джо и Сицциона, а после того, как гитары замолчали, ещё с минуту один в созданной словно для него тишине.

Время шло, а народ в гигантской чаше не переставал бушевать, и возле сцены его становилось всё больше, что было вызвано не только эмоциями от фестиваля, но ещё и тем, что с верхней окраины Колизея к его центру спускались вереницы факелов. Люди расступались, пропуская вперёд судей в чёрных балахонах, несших эти факелы. И вот последние уже собрались вокруг сцены, а один из них - после того, как посоветовался с остальными - взошёл на неё, - не иначе как для оглашения результатов судейства. Меж тем главные ворота Колизея распахнулись, и на арену въехал дилижанс, запряжённый тройкой благородных лошадей. Будучи увешан излучающими таинственное сияние драгоценными камнями, он точно попал сюда прямым из волшебного сна. В нём сидели люди в белых балахонах, и одним из них - без каких-либо внешних отличий — был, как оказалось, сам царь Тихомодала.

- Дорогие гости и жители великого града, - обращался ко всем в тот день молодой царь, - некогда созданный нашими легендарными предками величественный Колизей долгое время служил ристалищем игр и состязаний, которыми мы, без всяких сомнений, будем наслаждаться и впредь. Но событие, происшедшее здесь в эти два дня, как видно, имеет для всех нас особый смысл, и также с уверенностью мы можем сказать: торжеств, подобных этому, не хватало нам все эти годы. А потому, дорогие мои, эта наша с Вами встреча — только первая, и с открытием магии звука впереди нас ждут другие фестивали! А что скажете Вы?!

Публика была с ним единомышленна.

- Друзья, мы сердечно благодарны Вам за то, что Вы проделали долгий путь и посетили наш Колизей!

Царь и его свита поклонились публике, отчего в ней опять началась буря.

После взял слово верховный судья:

- Должен признаться: до последних минут мы думали, что победителем в музыкальном состязании должен стать кто-то один. Но мы ошибались. Потому как то скорее было не состязание, а праздник, великий фестиваль музыки! Вчера и сегодня мы не наблюдали за состязанием, но мы все были свидетелями чего-то невообразимого! Кто знает ответ на вопрос, какая музыка лучше, ежели всякая исполняется искусно и исходит от сердца? А тогда: кто же из музыкантов превосходит в искусстве других? Вместе с тем в ходе фестиваля нами определялись его возможные победители, - все Вы видели, как после каждого выступления выстраивается цепочка огней. А потому мы сделаем следующее: мы не назовём победителя, равно как и не скажем, что таковых нет. Вместо нас скажут сокровища Тихомодала, коими мы наградим всех без исключения наших участников. И позвольте мне обратиться теперь к ним. Дорогие друзья, все Вы являетесь обладателями богатств, коих не заменить никакими драгоценностями! Но примите от нас в благодарность эти дары из нашей сокровищницы!

Из кареты вынесли черный с золотыми узорами сундук. Его тотчас же, без всякой прелюдии, открыли люди из царской свиты, и извлекли из него маленькие мешочки с золотыми монетами. Каждому участнику фестиваля был вручен такой мешочек. Но то было только начало церемонии награждения.

В Колизей въехал ещё один дилижанс. Он не был украшен драгоценными камнями, как первый. Однако же в нём находился сундук, который был не только больше первого по объёму, но и ценнее по содержанию. Правда, далеко не все это поняли, потому как далеко не все смогли бы оценить по достоинству многие из тех вещей, что представляли собой сокровища стольного града.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.